

«не имел баштины», не мог ничего даровать церкви «от прониарской земли»²⁷.

В то же время, на наш взгляд, было бы опрометчиво полагать, что после распада Сербо-греческого царства даже в южных его областях сохранились в прежнем объеме пронии, дарованные вассалам Душана. Хаос феодальной анархии, ослабление центральной власти и образование новых уделов и государств на этой территории, столь ярко описанные Кантакузином, позволяют прийти к выводу, что пронии (как и церковные владения, государственные земли и светские вотчины) были обычно объектом земельных захватов светской знати (сербов, греков, албанцев), создававшей в 50-х — 60-х годах XIV в. обширные и фактически почти независимые сеньории.

Такое положение дел в бывшей Душановой «Романии», равно как и отсутствие прямых упоминаний прониаров в Серрском уделе царицы Елены и деспота Углеши (1356—1371), дает основание иначе охарактеризовать роль пронии в новом феодальном государстве, нежели это сделал Г. А. Острогорский. В самом деле, в соответствующем разделе своей монографии он, ссылаясь на общее положение о существовании пронии в Македонии (при Душане и Углеше) и, с другой стороны, на передачу (после 1371 г.) афонских имений *византийским* прониарам, заключает, что «войско Серрского княжества было, конечно, преимущественно прониарским», что вельможи Углеши и его брата Вукашина (все!?) были «прониарами»²⁸. Однако даже обращение к монографии Острогорского по истории пронии, где он приводит свидетельство сербских и греческих источников (в том числе и времен Углеши), не убеждает нас в правомерности данного вывода о *преобладании* проний в Серрском княжестве. Примечательно, что использованные здесь Г. Острогорским две грамоты Углеши (1369) очень бегло говорят лишь о неких (видимо, все-таки византийских) прониарах, которые вовсе не именуется вассалами Углеши²⁹. Поэтому единственным бесспорным доказательством существования (но не преобладания) проний и прониаров во владениях Углеши остается упоминание (опять-таки в очень общей форме) «прониара» в его грамоте монастырю св. Архаггела (близ Габрова, возле Драмы)³⁰.

Заметим, наконец, что преобладание проний в Серрском княжестве нам кажется вообще маловероятным именно потому, что ход исторического развития феодального строя в греческих землях бывшего Душанова царства (во второй половине XIV в.) привел к любопытной взаимосвязи пронии и секуляризационной политики. Как известно, наглядным выражением этого послужила передача византийским правительством (после крушения Серрского княжества) прониарам половины всех имений афонских монастырей в Восточной Македонии. Напротив, недолгая история Серрского княжества не оставила нам доказательств каких-то секуляризационных стремлений, создавая скорее впечатление, что могущество духовных феодалов (как и светских магнатов) осталось здесь непоколебленным, имея своим следствием слабость мелкого дворянства и центральной власти.

²⁷ С. Новаковић. Законик . . . , стр. 50. Кстати, судя по контексту данной статьи (ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 134), следовало бы здесь изменить интерпункцию, ограничивая первую часть статьи лишь запретом продажи и покупки пронии (статья гласила бы: «Пронию не волен никто ни продать, ни купить. Кто не имеет баштины, от прониарской земли не волен никто подложить под церковь» и т. д.). В пользу предлагаемой перестройки говорят, между прочим, и аналогичные построения сложных фраз и целых статей, начинающихся также местоимением «кто» или «и кто» (см. там же, статьи 10, 21, 46, 51, 52, 58, 70, 71, 72, 87, 89, 92, 93, 95—97 и др.).

²⁸ Г. Острогорски. Сериска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 63.

²⁹ Ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 143—144.

³⁰ С. Новаковић. Законски споменици. . . , стр. 751. Это свидетельство не приведено в книге Г. А. Острогорского о пронии.